Что-то было не так ... что-то было очень, очень неправильно. Она знала это с того момента, как два дня назад ступила на п Они наблюдали за всеми тремя частными кораблями с того момента, как они приземлились, направляя их на огни, когда они совершали свой последний спуск, эффекты рассеивания волн полюса вступали в силу, когда они приближались к загруженной рудой почвой. Двое приземлились на гражданской палубе перевалочного пункта. У одного было четыре офицера, явно в увольнении. Все среднего уровня, все мужчины; любой из них мог быть их информатором.

Все четверо могли заключить договор; это не было неизвестно. Лея разделила свою группу, чтобы оставить с ними наблюдателей; четыре человека - по одному на каждого офицера. Они зарегистрировались в лучшей гостинице на вокзале и направились прямо к казино. С тех пор они остались там. Во втором были два старших офицера и два солдата. За ними наблюдали издалека, и они отправились на административную базу. Группа Леи подключилась к наблюдению за перевалочным пунктом два дня назад, но они не прошли основные коды безопасности, поэтому потеряли группу в течение нескольких минут, когда они перешли в коридоры с ограниченным доступом. Она разделила группу во второй раз, чтобы оставить двух мужчин, по одному на каждого офицера, с приказом отметить, что они выходят из базы, и передать ее, когда они это сделают.

Итак, они подошли к последнему шаттлу. Это были еще трое офицеров; двое мужчин и женщина с длинными темными волосами, одетые в черную форму Intel. Мужчины были в офицерской форме, но ходили как профессиональные солдаты. Женщина шла так, будто могла сразить кого-нибудь или обоих, не вспотев. Лея снова разделила группу; еще трое остались, чтобы отметить их, Хан и Чуи остались с женщиной; он сказал, что у него чесалось на спусковом крючке. Лея добралась до места встречи в коридорах технического обслуживания под базой с тремя оставшимися солдатами; не очень много поддержки, но Хан и его группа все еще находились на небольшом расстоянии, достаточно близко, чтобы эффект рассеяния полюса Деврона не погасил сигнал. К тому же это было нормально.

Все было хорошо, не о чем беспокоиться… горе, почему она все повторяет ?! Они прибыли на тридцать минут раньше, место встречи - служебная комната, обслуживающая систему отопления, глубоко в недрах загруженного перевалочного пункта, спрятанная среди бесконечных коридоров доступа для техобслуживания, пронизанных трубами и трубопроводами, внутренностями станции, хранящими элементы полюса в страхе. Он был старым и грязным в этих невидимых местах, сгоревшая смазка смешивалась с десятилетиями пыли, чтобы покрыть поцарапанные, покрытые сколами поверхности и изношенное оборудование пленкой густой грязи, свет мигал датчиком, как двери в каждую новую секцию скользнул в сторону и, заикаясь, погрузился в темноту позади них, когда двери закрылись. Это напомнило Лее машинные отделения практически всех корветов или эсминцев повстанцев, на которых она когда-либо летала.

Ее рука легла на рукоять бластера, который она носила, и она молча упрекала собственные нервы; она не боялась небольшой темноты. Она проверила номер на двери; комната семнадцать. Они направлялись в пятую комнату. Она двинулась дальше, почти здесь. Комм заставил ее физически подпрыгнуть, когда он выстрелил у бедра, и она услышала, как Эксли за ее проклятием себе под нос, а Горин позади него хихикнул. На мгновение поджав губы, она подняла комлинк: «Что?» "Я потерял ее." Это был Хан, и Лея точно знала, о чем он говорит. «Ты шутишь. Я даю тебе одного человека, чтобы посмотреть…»

«Все они вошли в библиотеку записей; двое офицеров вышли и вошли в административный блок, но ее не было с ними. У нас был парень на обоих выходах, и я просто прошелся, но ее там не было. Я сейчас подхожу к вам ". «Иди и найди женщину». Последовала короткая пауза: «Вот

почему я иду к тебе, дорогая». Лея вздохнула, обдумывая и зная, что трое солдат терпеливо ждут, глядя на нее. Она взглянула на номер двери; 8. Они были достаточно близко, чтобы продолжить; Империя редко просто наблюдала за теми, кого считала предателями; люди были арестованы и исчезли гораздо меньше.

Было бы хорошо; все было хорошо ... почему она так думала ?! «Хорошо. Только не врывайся и не пугай моего собеседника ...» Она снова двинулась вперед, положив руку на бластер; это было хорошо; все было хорошо ... Проклятье Лея, перестань так говорить! Комната восемь. Она остановилась, оглядываясь назад; Хана пока нет. Коли оставался на вахте в двенадцатой комнате, их арьергард. Эксли и Горин неуверенно остановились. Лея кивнула, выставив образ непревзойденного мужественного солдата. «Вы двое ждите здесь и держите глаза открытыми. Если у меня больше пяти минут, свяжитесь со мной.

Если я отвечу чем-нибудь, кроме« давай », что-то не так». Они кивнули, отступая… и Лея нажала кнопку открывания двери, снова подвигаясь вперед, звук солдат мгновенно стих, когда дверь за ней плотно захлопнулась. Она посмотрела вперед в темноте; комната пять. Упрекая собственное колебание, Лея нажала кнопку выхода и вошла внутрь. Свет был приглушен, но тогда он был таким же, как и в предыдущих четырех комнатах, где явно жили дроиды, а не люди. Она шагнула в темноту, низкий поток содержащегося в старых трубах воздуха создавал фоновый гул, который заглушал ее шаги ... .

Он пробежал по ее спине в дрожании осознания, подняв волосы на затылке, когда дверь с глухим стуком закрылась позади нее. Он вышел из тени, как если бы он был одним из них - и почему она не заметила его раньше; он был прямо там. «Привет, Лея». Его голос был тихим, спокойным и мгновенно узнаваемым. Когда дверь закрылась, ее рука потянулась к бластеру, и теперь она вырвала его, направив на его грудь и без колебаний выстрелив. Она нажимала на спусковой крючок снова и снова, болты горели на небольшом расстоянии между ними, выстрел за выстрелом, зажигая комнату, очередь за очередью, словно молния. И Люк-Люк просто отбросил их в сторону, как это сделал Вейдер в Облачном городе; как его отец. Его отец . Он выкрутил руку, вытянув пальцы - и бластер дал осечку; потом снова, потом снова, и Лея продолжала нажимать на курок.

Она просто продолжала, бластер теперь издавал только глухие, пустые щелчки. Наконец, когда она замедлилась, он приподнял брови - и его глаза были такими же бледноголубыми, такими же небесно-голубыми, которые смеялись вместе с ней, плакали вместе с ней и делились ее секретами… и лгали ей. Только не совсем то же самое. "Вы закончили?" - спросил он холодным, веселым голосом, обвиняя всех сразу. «Нет, ты еще жив». Лея откусила. «Вы знаете, чтобы меня сбить, потребуется нечто большее, чем просто пистолет, ваше высочество». Лея подняла подбородок: «Я не боюсь тебя». «Тогда положи пистолет». "Я думал, это не может повредить тебе?" Он протянул руку, и пистолет вырвался из крепкой хватки Леи, потянув ее вперед на шаг, какая была сила. «Тем не менее, между старыми друзьями не должно быть таких вещей».

Говоря так небрежно, он подошел к свету, его рука, держащая пистолет Леи, упала на бок. Лея полуобернулась, но остановилась; казалось бессмысленным пытаться открыть за ней дверь; она видела, что он сделал на борту «Патриота», взломав тяжелую дверь с двойным засовом, чтобы она могла сбежать… сбежать . Тогда он пытался ей помочь, все было необычно ... так что же это было теперь? Неуверенная, она обернулась и увидела, по-настоящему впервые увидела мужчину, стоявшего перед ней… и горе, он был так похож на старого друга. Он был стройнее в бедрах и шире в плечах, бледная кожа, волосы, спадающие в рыхлой клубкой распущенных кудрей, касались верхушек его плеч.

Шрам… шрам был глубже, чем она представляла, плавная, неправильная линия, которая

изгибалась по его лицу, одновременно тревожная и завораживая. "Были ли мы когда-нибудь так?" - спросила она наконец неуверенно, глядя в эти бледноголубые глаза после столь долгого отсутствия. У него всегда были такие чудесные небесноголубые глаза, он всегда был на грани улыбки. Теперь его правый глаз был пронизан темнейшим красно-коричневым оттенком, который затемнял половину бледно-голубого, поражая своим контрастом, окруженный шрамом настолько глубоким, что он тянулся, когда он улыбался, небрежно пожимая плечами под ее пристальным взглядом, хладнокровно невозмутимо.

"Тогда знакомые". Воспоминания прорезали мысли Леи о том, как она бежала, бросилась в его объятия после того, как он уничтожил Звезду Смерти, как он раскачивал ее и смеялся. В тот момент он был для нее всем; друг, спаситель, соратник. Родственный дух, разделяющий каждую мечту и стремление, - часть ее души. «Ты жестокий человек...», - произнесла она слова, не осознавая, что мысль шептала вслух. Он остановился совершенно неподвижно, его лицо было почти нечитаемым, но Лея слишком хорошо его знала, поэтому крошечные вспышки эмоций, пробегавшие по этим голубым глазам, можно было прочитать, поскольку она не могла читать никого, даже Хана.

Конечно, сюрприз, что она вообще их произнесла. Тогда сожалею; настоящая боль от того, что она подумает о нем так, быстро сменяется негодованием, напряжением мускулов лица и тела. На мгновение она подумала, что он нападет на нее, но затем этот момент сменился отстраненным, замкнутым весельем. «Жизнь жестока - я просто иду в ногу». Эти острые глаза пронзили ее. «Это не я предал». "А что насчет Пн?" - спросила Лея. Он подошел ближе, слегка повернул голову так, чтобы длинный тяжелый шрам, проходивший от его правого глаза по длине щеки до губ, был четким, хотя Лея не могла не заметить этого.

«Я считаю, что она нанесла первый удар». - сказал он многозначительно, и этот идеальный корусканский акцент странно исходил из его рта. Лея хранила молчание, не зная, что сказать, и Люк начал медленно кружить вокруг нее, а она продолжала стоять лицом вперед, не теряя своей позиции, гадая, как она начала бояться человека, о котором когда-то так заботилась. «На самом деле это неправда», - сказал он позади нее, размышляя над своими словами, его неожиданная близость заставила Лею невольно подпрыгнуть, его голос превратился из отстраненного и забавного в жесткий и требовательный. «Ты сделал это... почему ты предал меня?» "Я не сделал". она отрицала; виноватый рефлекс. «Лжец». Казалось, он снова был удивлен, а не рассержен: «Только ты знал, только ты мог сказать им». Значит, он знал, кто он такой. Он должен был иметь. «Я показал им доказательства - они приняли собственное решение».

«Таким образом, снимая с вас всякую вину. Какой чудесной должна быть ваша совесть». "И ваш?" - спросила Лея, приподняв подбородок. Он остановился перед ней, улыбаясь этой загадочной улыбкой, в которой ничего не было видно, ни раскаяния, ни сожаления. «У меня нет совести», - легко сказал он. «Я безнадежный». "Которого?" - прошептала она, и он, пожав плечами, продолжил свое медленное обхождение вокруг нее. «Покаяние, сострадание». - сказал он рядом с ней, его осознание своих недостатков дало Лее на мгновение прилив надежды, прежде чем он полностью избавился от нее: «Как бы то ни было ... не имеет значения. "Вы были шпионом?" она должна была спросить. "Что вы думаете?" "Я спрашиваю вас." Лея сказала, разочарование придало ей храбрости: «Даю тебе шанс защитить себя». "Это немного поздно, не так ли?" - прошептал он сзади снова, заставляя ее вздрогнуть. «Слишком поздно на шесть лет.

Где же тогда было ваше правосудие ?» Лея сжала челюсть, когда она повернулась: «Я поклялась, что не пожалею о том, что сделала». Он наклонил голову и посмотрел на нее с холодным, расчетливым интересом. Она всегда помнила их такими открытыми, такими

страстными, такими простодушными. Неужели ее воспоминания были такими неправильными? «Вейдер, мой отец, однажды сказал это мне». Он сказал эти слова бесстрастно, хотя осознавал их силу. Тем не менее, это потрясло Лею до глубины души. Заподозрить истину - одно дело; услышать, как он это говорит, дать этот титул человеку, которого он так отчаянно проклял за убийство Кеноби на его глазах, было глубоко тревожным.

Вспышка озарения поразила ее в памяти; что она знала эти вещи как факты, но Люк их пережил - была вынуждена найти путь через эти разрушительные истины, признать их и примириться с ними. На какое-то мгновение она почувствовала к нему такую жалость, а потом подумала, стоит ли ей вообще что-нибудь чувствовать. Не было ли реальная правда , что Скайуокер искоренены и предал Кеноби в Empire- привел его в ловушку в пользу отца? Но горе Люка в то время казалось таким неподдельным ... что было правдой, а что ложью? "Что ты ответил?" - сказала она наконец, зная, что он смотрит на нее.

Он слегка нахмурился, тончайшие морщинки образовались в его еще молодых глазах: «Я думаю, я сказал ему, что это не его решение». Он сказал неясно, избегая вопроса и отвечая на него, обвиняя Лею в том же обвинении. Лея нахмурилась, только что неуверенная в невысказанном значении. «Он .. Вейдер предал тебя?» прошептала она. Люк отвернулся, избегая ее пытливого взгляда - в первый раз, когда он сделал это. Это было мгновенное плавление его щитов, его следующие слова шокировали их уязвимостью, его манеры изменились на ее глазах. «Нет. Мой отец никогда не мог предать меня; я никогда не доверял ему. Предательство требует доверия...» Он снова посмотрел на нее;

«Только друг может предать». Лея застыла под этими холодными глазами, ее живот скрутило от обвинения ... Затем малейший намек на улыбку изогнул уголки покрытых шрамом губ Люка, тревожно изменчивое изменение скрывало эту вспышку эмоций, человека, которого она знала, мгновенно похороненного под Императором, которым он стал. "Я был неправ?" - прошептала Лея, готовая в этот момент поверить всему, что он предлагает. Люк внимательно изучил ее ... и в этот момент, когда он посмотрел ему в глаза, Лея подумала, что он закричит - что все будет объяснено; ужасная ошибка, усугубленная и преувеличенная, все, что она знала, что она хотела услышать ... Затем он отступил; мгновение грации, чтобы снова обрести свой центр, так что, когда он отвел взгляд, когда он говорил, его голос был ровным и снисходительным. «Вы давно приняли решение.

Тогда вы явно почувствовали, что имеющейся скудной информации достаточно, чтобы меня осудить». «Я должен был сказать им». "И вы это сделали; вы приняли свое решение - а затем вы поддержали других, которые действовали в соответствии с ним ... Я был вынужден иметь дело с последствиями каждый день, так как ... вам придется делать то же самое. "Скажи мне, что я был неправ?" Это был больше призыв, чем вопрос, ее сердце на мгновение пересилило все остальное. Но он покачал головой, снова полностью собранный, похоронив все личные соображения. «Это несущественно.

Важно то, где мы сейчас находимся. Я Император, и вы возглавляете восстание против меня. И это прекратится». Лея отшатнулась от этой внезапной смены личности, мгновенного взгляда на человека, которого она знала, полностью вытеснилась мужчиной, который продолжал говорить с таким авторитетным тоном. "Палпатин двадцать лет играл с вашим восстанием для собственного развлечения и ради своих целей. Он использовал вас - и вы позволили ему. Вы помогли ему стабилизировать его Империю; предоставили предлог для большего количества законов и ограничений, чем он мог бы когда-либо поднять без раздутая угроза ваших предполагаемых действий. Но мне больше не нужны эти оправдания. Империя установлена навсегда ». "Мы будем выступать против ..."

«Но это больше не Империя Палпатина - это моя». Он отверг ее, как будто она вообще не говорила, и это было свидетельством его опыта и командования - того, насколько он действительно изменился - что Лея позволила ему это сделать; она была знакома с этой тактикой и обычно никогда не позволила бы ее себе, но позволила ему продолжить. "И я буду относиться к этому так же. Я намерен ослабить ограничения, введенные для борьбы с восстанием. Я намерен и далее ослаблять законы, ограничивающие гражданские свободы.

Восстановить личные разумные права - все права. Свобода передвижения и свободы слова, право на защиту со стороны государства; право на суд коллегии коллег, конституционное равенство. Все это ради единой цели; вести мою Империю вперед по курсу, который в конечном итоге приведет к восстановлению демократического государства . И чтобы сделать все это, я готов начать диалог с Альянсом повстанцев или, точнее, с вами ». Лея потеряла дар речи; она почувствовала, как ее челюсть отвисла, а ее разум устремился в ногу с этим вихрем событий. Она думала, что попала в ловушку - что Люк будет смеяться ей в лицо и смотреть, как ее тащат в имперский центр заключения, как он сделал с Мон.

И все же она все еще была здесь - разговаривала с Императором! Или Люк, или кто бы там ни был, этот молниеносный поворот изменчивых, противоречивых, запутанных действий. А теперь... теперь все, что она когда-либо хотела, все, что Альянс боролось за всю ее жизнь, внезапно было предложено им на тарелке - тем более, этим новым Императором. Сыном Дарта Вейдера. Волком; человек, убивший Мон Мотму. Человек, который выманил лидера Альянса на открытое пространство с помощью холодных манипуляций, затем удалил ее, передав Палпатину, ввергнув Восстание в замешательство и хаос. Он делал то же самое с ней сейчас? Могла ли она доверять Волку? «Что я могу сделать, чтобы доказать свою приверженность?» - открыто спросил он, и тень улыбки коснулась его покрытых шрамами губ. "Шаг вниз." Лея немедленно сказала: «Отречься».

Он усмехнулся на это, как будто она просила луну на тарелке. "Реально?" «Уходи - или я заставлю тебя». - сказала Лея смертельно серьезно. "Как вы сделали мой предшественник?" он издевался без истинной злобы. « Я убил Палпатина, а не тебя. Понимаешь, в этом проблема с черным и белым, оно доведено до крайностей. Реальная жизнь живет в тысяче оттенков серого. Это то, что привело Палпатина в упадок. Это». он сказал о себе. «И я тоже разрушу его Империю, если смогу». Лея смотрела, просто смотрела на него, снова теряясь в понимании того, кем и чем он был. Он бегал от одной крайности к другой в одном предложении. От черного к белому и обратно, ни то, ни другое одновременно. Но разве он не это пытался ей сказать? Сможет ли она поверить ему - и даже если она поверит... означает ли это, что она может ему доверять?

«Теперь вы думаете, что я говорю вам то, что вы хотите услышать». - сказал он с удивлением, ясно осознавая, что посеял замешательство. Лея нахмурилась: «Ты читаешь мои мысли?» «Вряд ли, это написано у тебя на лице». Он парировал легко, без обид. «И вообще, я слишком хорошо тебя знаю». Лея пыталась собраться с мыслями вокруг этого удивительного поворота событий, полностью потерявшись. «Тогда почему ... зачем мне так говорить - почему не обнародовать? Пригласите Альянс на официальные переговоры?» Он смотрел на нее несколько секунд, как будто просто не мог поверить, что она задала вопрос. Когда он наконец ответил, в его тоне все еще было слышно то же сухое, отстраненное веселье.

"Во-первых, потому что это было бы возмутительной и ненужной демонстрацией слабости с моей стороны. Во-вторых, потому что это могло бы легко спровоцировать гражданскую войну - настроить Королевские Дома и мои собственные вооруженные силы против меня, и в результате я потеряю половину моих моффов, прежде чем я побью некоторых чувство того, что я могу только смехотворно назвать верностью им. В-третьих, потому что, даже если бы этого не

произошло, мне пришлось бы иметь дело с чередой покушений на убийство ... сверх обычной квоты, вы понимаете - я ненавижу разочарую вас, но вы не единственный, кто имеет дело с Императором. И, о да, наконец, потому что я не думаю, что вы пришли бы. Если бы у вас была хоть какая-то политическая смекалка, вы бы просто сидели назад и наблюдайте за фейерверком, когда моя Империя разваливается на части. На вашем месте я бы определенно стал. " Лея смотрела, просто смотрела, не в силах поверить, как сильно он изменился... был вынужден измениться.

Теперь он был лидером со всем далеко идущим пониманием, которого требовала такая должность. Когда она в последний раз видела его, он был - чем? Наполовину фермерский мальчик, наполовину солдат, если его темное прошлое было правдой. Все еще находит свое место в большой галактике. Всегда суждено для большего; это было видно уже тогда. Но это ... это не был идеалистический учёный, сражающийся со своими собственными непоколебимыми эмоциями, это был человек дальновидности, уверенный в своих намерениях, знающий, что он обладал ре Лея сказала, не поворачиваясь: «Мой отец».

«Да. Бейл Органа сказал это от имени только что зарождающегося Восстания, когда марионеточный Сенат Палпатина впервые оспорил его как незаконный - но я думаю, он бы согласился, что это имеет значение, независимо от того, кто мы». "Или что ?" Лея бросила вызов, не оборачиваясь, и наступившая хрупкая тишина заставила ее сердце биться о ребра. Но никакой реакции, никакого взрыва возмущенной ярости. Когда он заговорил, его голос был тихим бормотанием, шокирующей вспышкой искреннего сожаления. «Когда до этого дошло, Лея? Когда я стал в твоих глазах меньше, чем человек?» «Когда ты служил Палпатину». - решительно сказала Лея, отказываясь поворачиваться; быть втянутым еще раз.

«Как чудесно упрощен ваш мир». он заметил без злобы: «Я завидую этому». «Это не оправдывает ваших действий». «Нет, это не так». - сказал он просто, честность в его голосе повернула ее к себе. На мгновение - на мгновение - он снова стал Люком Скайуокером, его выразительные, уязвимые небесно-голубые глаза смотрели на нее, умоляя о понимании. Осознав ее сострадание, он приподнял подбородок, замкнутая, лишенная эмоций маска снова упала, изменение мгновенное, быстрое. «Но тогда я пришел сюда не для твоего прощения». "Тогда зачем ты пришел?" «Ваше сотрудничество».

Лея прищурилась на это, по-прежнему осторожная в этой осторожной игре слов. он наклонил голову, смягчая голос. «Я предлагаю вам все, что вы когда-либо хотели, принцесса. Все, что вам нужно. Все, что нужно галактике... без единой капли крови». Лея покачала головой, не желая, чтобы ее уговаривали: «Если вы предлагаете какую-либо сделку, то это потому, что мы для вас угроза». "Едва." Это мгновенное ожесточение, уклончивость и веселье. «Вы уже отменили Указ о рабстве. Из-за нас... из-за угрозы, которую мы представляем».

Он на самом деле улыбнулся: «Пожалуйста, не обольщайтесь. Вы раздражаете, вот и все. Небольшое осложнение. Небольшое упражнение для Флота. Вы не помешаете мне сделать то, что я собираюсь делать». "Слушай себя!" Лея сказала: «Ты говоришь так же, как Император!» «Я есмь император.» Он решительно парировал. «Палпатин». Лея прошипела: «Ты говоришь так же, как Палпатин». Люк только склонил голову набок, ее слова совершенно не касались его: «Поверьте, я совсем не похож на Палпатина. И я совсем не похож на Палпатина, несмотря на то, что вы думаете - или вы верите, что эта встреча когда-либо состоялась под его властью? " «Эта встреча все равно не состоялась».

Лея понимающе сказала: «Если бы я кому-нибудь рассказала, я уверена, вы бы это отреклись». Он сделал шаг назад, пробуя другую тактику: «Я никогда не думал о тебе...» "...Какая?" она нахмурилась, неуверенно. «Что вы позволите своим личным чувствам превалировать над

большим благом. Я всегда считал вас лучшим лидером, чем этот». Это остановило Лею на долгие секунды, закрадывалась неуверенность - она только что делала? Она подняла глаза и увидела, что он внимательно наблюдает за ней, и скривила челюсть, хотя часть ее уверенности исчезла. «Я не буду заводить Альянс в ловушку».

"Я верю тебе." Он мгновенно ответил: «Ни один лидер не стал бы делать это сознательно. Но я думал, что вы больше - я думал, что у вас есть видение. Снова она остановилась, неохотно втянулась и обернулась от внезапной сильной искренности в его словах, от веры. Необходимость. «У нас здесь есть шанс, Лея - как никогда раньше. Два новых лидера; шанс сметать все старые предрассудки, чтобы начать заново». Он шагнул вперед, его глаза полны надежды. «Это то, что люди хотят, Лея - то, что им нужно . И это никогда не повторится. Никогда. Две новые силы - каждая возможность. Это войдет в историю как решающий момент. Я не могу представить себе другого существа с силой дух, стремление и видение, чтобы воспользоваться этой возможностью и сделать ее своей.

Недостаточно быть лидером, Лея. Недостаточно иметь цель - вы должны найти путь, чтобы ее достичь, чтобы все были к ней. И если вы видите это, вы должны схватить его обеими руками ... потому что это может никогда не повториться ». Лея смотрела ... просто смотрела на него целую вечность, огромные карие глаза искали его собственные, искали что-то внутри него, внутри себя. Она хотела верить, теперь она знала это. Несмотря на все, что она сказала о нем вслух, все, что, как она думала, она чувствовала… здесь, сейчас, она хотела верить, что в нем есть искра порядочности. Она хотела поцарапать поверхность нового Императора и найти Люка Скайуокера. Найдите мужчину, который увлек ее и раскрутил с такой искренней искренностью и восхитительными принципами… так близкими к тем, которые он только что провозгласил с такой сильной, необеспеченной страстью.

Или все это была игра - представление перед настороженной, критически настроенной аудиторией? Потому что мужчина, который стоял перед ней, теперь не был похож на соратника, которого она потеряла, шрамы были видны и невидимы, отмечая его поведение ... но что-то прошептало - что-то согрело ее душу и заморозило ее сердце в то же мгновение, чтобы быть так близко к нему снова. Что-то связывало их вместе… так было всегда. Он вздохнул тихим и низким голосом. «Вы ищете заверений, а я не могу вам их дать, потому что я тоже ставлю на карту свое собственное лидерство. Все это может рухнуть… но не из-за моих обязательств». он посмотрел на нее, вопрос был невысказанным ...

«Мне… нужно время, чтобы подумать…» Это была его победа - и они оба это знали. Он только любезно отступил на шаг: «Конечно. Вы можете связаться со мной, когда будете готовы продолжить разговор». «… Как- если я решу это сделать?» Она знала, что будет… и он тоже. "По-прежнему." Как обычно ... Все это время ... она бы прервала контакт, если бы знала, что это Люк? Да, конечно. Он взял это; быть лицом к лицу, снова заглянуть в эти глаза и увидеть душу внутри, почувствовать это странное… что-то теплое в своей душе в ответ, как будто найти какую-то потерянную часть себя. Несмотря на все опасения, уйти сейчас, полагая, что они больше никогда не заговорят, было бы равносильно отрубанию конечности… она просто не могла это представить.

"Ты должен идти." - сказал он наконец, делая еще один шаг назад: «Ваши люди будут ждать…» Она долгие секунды смотрела ему в лицо, одновременно до боли знакомое и шокирующе изменившееся… затем молча повернулась, рука открыла дверь. "Лея-" Она остановилась, не в силах повернуть назад, ее живот сжался в тошнотворный узел от тревожного замешательства в его неуверенном голосе, но он больше не заговорил, и в конце концов она вышла в коридор за ней, дверь за ней закрылась, сдвинувшись с места. его снова в тени. .

Люк стоял в тусклом свете, погруженный в раздумья, чувствуя себя неловко перед нахлынувшим в нем потоком старых воспоминаний. Тонкая входная дверь рядом с ним открылась в ярком свете, и Мара бесшумно двинулась вперед, непригодный серо-коричневый комбинезон, который она носила, растворял ее в тени комнаты, ее черный парик, давно забытый в пользу фуражки, каштановые волосы закручены. под ним. "Как вы думаете, она его купила?" - осторожно спросила она. Люк прищурился, все еще глядя на дверь, через которую вышла Лея, все еще потрясенный тем, как сильно она вывела его из равновесия, хотя он ничего не показывал даже Маре. «Мы узнаем достаточно скоро».

Пробормотал он. "А если она решит не рисковать?" - ответила Мара, недоумевая, почему Люк просто не прочитал ее мысли. «Тогда я уберу ее». - сказал Люк без колебаний, резко отворачиваясь от закрытой двери. «Замени ее кем-нибудь, кто это сделает». Мара сузила глаза, не зная, что он просто сказал то, что, как он знал, она хотела услышать; он всегда играл в карты близко к груди, даже с ней. Палпатин слишком хорошо преподал этот урок.

«Я думал, ты сказал, что это должна быть она? Вот почему ты привел ее к власти». «Я дал ей власть, потому что сказал, что могу читать и предсказывать ее». Люк легко поправился, неуверенный в тот момент, собиралась ли Мара сбить его с толку или нет, но не желая рисковать в любом случае, автоматически уклончиво. «Если она не свяжется со мной, значит, я ошибаюсь, что делает ее бесполезной для меня». Наконец он повернулся, сверкнув легкой, очаровательной, явно открытой улыбкой - броней, за которой он так часто прятался. «Ты слишком много беспокоишься, Рыжая». - заверил он, проходя мимо нее по узкому боковому коридору. Мара осталась одна, хмурясь ему в спину, вспоминая бесчисленное количество раз, когда Палпатин говорил то же самое тем же пренебрежительным тоном.

http://tl.rulate.ru/book/50172/1288040